

далее в своих письмах из Рима Мануил Хрисолора⁴⁰. Византийские ученые, подобно Иосифу Вриеннию (ок. 1350—1432), жаловавшемуся, что он, как и другие его соотечественники, не имел возможности изучать диалектику в университетах Италии, Франции, Англии, все больше начинают осознавать тот огромный вред, который принесла византийской культуре традиционная политика пренебрежения культурой латинского Запада.

Конкретные перемены в византийской культуре XIV—XV вв. станут нагляднее для читателя, когда он ознакомится с главами данной книги по философии, литературе, науке, искусству, праву в изучаемый период. Предваряя это, отметим лишь, что основные перемены усматриваются, на наш взгляд, в разрушении вековых традиционных схем ортодоксального конфессионализма, в возникновении автономного светского направления в культуре, в процессе поляризации течений. Тем новым, что отличало интеллектуальную жизнь поздней Византии, было особое отношение византийских гуманистов к усвоению античного наследия. Увлечение античностью в изучаемое время — это занятие ею на совершенно ином уровне, на новом «витке спирали», в новых исторических условиях. По существу, мы имеем дело с процессом ассимиляции античных идей, с их более или менее оригинальным претворением в специфических условиях византийской действительности, с их переосмыслением, с осознанным или интуитивным использованием их для разрушения старой, изживающей себя системы культурно-идеологических ценностей. Глубокий и символический смысл усматривается в том, что писец греческой рукописи конца XIII в., ныне хранящейся в Вене (Vindob. Suppl. gr. 64), смыл написанный на пергамене литургический текст (стихирарион), чтобы освободить место для издания сочинений Пиндара⁴¹.

В Византии XIV—XV вв. исподволь накапливавшееся количество стало переходить в новое качество, нарушилось органическое прежде единство трех основных компонентов, составлявшее суть знаменитой византийской «таксис», суть византизма, а именно: эллинизма как духовной преемственности с культурой античной Греции, «ромаизма» как системы государственно-правовых и политических доктрин, унаследованных от Римской империи, и христианства как сложного комплекса верований, идущих с Востока. В ущерб двум последним компонентам эллинизм в идеологии определенной части византийского общества стал явно выдвигаться на первое место, окрашивая мировоззрение представителей этой части общества в явно выраженные ренессансные тона. Мы можем наблюдать последовательную эллинизацию представлений византийских гуманистов по всем наиболее существенным мировоззренческим вопросам: эллинизацию культа, в своих наиболее крайних формах предусматривавшую замену культа христианского тринитарного бога культом Зевса-пантократора; эллинизацию политических доктрин, когда наиболее горячие головы советовали византийскому императору даже отказаться от титула βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων и принять титул βασιλεὺς τῆς Ἑλλάδος, царя Греции; реабилитацию этнического, изначального значения самого понятия «эллин», когда византиец начинает осознавать себя именно «греком», а не «ромеем», и т. д. В этом смысле «византийский ренессанс» действительно был «греческим, эллинским ренессансом»⁴².

В отличие от предшествующих веков, когда и в Византии античность выступала в средневековом облачении, а античные герои думали и говорили, как их средневековые переводчики и комментаторы, когда византийские эрудиты исходили в своих представлениях об античности, в сущности, из ее «двухмерной концепции» (при этом оказывалось, что, например, Платон шел не только вслед за Аристотелем, но и за Ямвлихом, а соседом Демосфена был Синезий Киренский; что образцами для подражания были писатели второй софистики, причем не только язычники, Лукиан и Элий Аристид или Филострат и Либаний, но и три каппадокийских отца церкви — Григорий Назианзин, Григорий Нисский и Василий Кесарийский), византийские гуманисты эпохи Палеологовского ренессанса вырабатывают уже более реалистическую концепцию античности — античности «в трех измерениях»⁴³. Так, Феодор Метохит, отойдя,

⁴⁰ PG. T. 156. Col. 21—60. О рукописной традиции писем см.: Bizzarro F. C. Contributo alla tradizione manoscritta di Manuele Crisolora // Rendiconti della Accademia di Archeologia. Lettere e belle Arti. Nuova Ser. 1978. Vol. 52. P. 265—275.

⁴¹ Irigoien J. Histoire du texte de Pindare. P., 1952. P. 216—219.

⁴² Runciman St. The Last Byzantine Renaissance. P. 22.

⁴³ Ševčenko I. The Palaeologan Renaissance. P. 163—164.